

UNITED WISDOM

Светский гуманизм: основания ценности без религиозного согласия

Смысл и путь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

P-01-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Светский гуманизм: основания ценности без религиозного согласия

Эпиграф

> *«Нравственность, следовательно, скорее чувствуют, чем о ней судят»*

— Дэвид Юм, «Трактат о человеческой природе», III.I.2, начальная часть первого предложения. Перевод United Wisdom с английского; процитировано самостоятельное утверждение до точки с запятой.

О чём эта статья

Люди могут согласиться помочь другому человеку и при этом совершенно по-разному понимать, почему его жизнь имеет ценность. Для одного ответ связан с верой, для другого — с человеческой уязвимостью и взаимной ответственностью. Как сотрудничать, не превращая помощь в проверку мировоззрения? Эта статья рассматривает светский гуманизм как определённую позицию, которая предлагает обсуждать достоинство, свободу и благополучие без обязательного религиозного согласия. Мы проследим различие между фактами и ценностными основаниями, между сочувствием и точным вниманием к человеку, между свободой убеждения и последствиями совместного действия. Рядом появятся Милль, Юм, современная гуманистическая декларация и христианская формула взаимности. Их тексты не составляют единого учения. Сопоставление помогает увидеть пространство сотрудничества и границы сходства: общий поступок может быть возможен даже там, где общий ответ о предельном основании жизни пока отсутствует.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Договориться о помощи, не договорившись о мире

Представим условную сцену: несколько соседей собираются помочь человеку после пожара. Один считает заботу религиозной обязанностью, другой говорит о солидарности, третий просто не может пройти мимо. Пока требуется принести вещи, различие оснований почти незаметно. Оно становится острым, когда кто-то предлагает сопровождать помощь обязательной проповедью, а другой требует убрать любые религиозные символы. Теперь спор идёт уже не только о помощи. Каждая сторона пытается сделать собственное объяснение условием участия. Человек, ради которого собрались, постепенно исчезает из разговора, хотя его потребность осталась прежней. Эта придуманная ситуация показывает: совпадение действия ещё не обеспечивает справедливого способа совместной работы.

Светский гуманизм предлагает обсуждать ценность жизни через доступный человеческий опыт, не требуя предварительного согласия о сверхъестественном. Здесь слово «светский» описывает основания общественного разговора; оно не даёт участнику права распоряжаться чужой верой. Человек может оставаться религиозным и участвовать в обсуждении конкретного вреда, потребностей и ответственности. Однако сам гуманизм также является мировоззренческой позицией, а не пустым местом, в котором исчезли убеждения. Он выбирает считать человеческое достоинство, свободу и благополучие существенными. Этот выбор нужно открыто назвать, иначе собственная философия незаметно превращается в якобы нейтральный голос всех разумных людей, а несогласие заранее получает подозрительный статус.

Поэтому первый вопрос звучит довольно скромно: какое решение можно обсуждать с человеком, не требуя от него стать похожим на нас? В сцене с соседями это означает отдельно согласовать необходимую помощь, пожелания получателя и добровольность дополнительных разговоров. Никто не обязан отказаться от своего объяснения доброты. Но объяснение перестаёт быть пропуском к помощи. Подобный порядок не доказывает истинность гуманизма и не завершает спор о религии. Он создаёт ограниченную общую площадку: здесь участники могут проверять, кто принимает решение, кому оно приносит пользу, кто несёт его цену и сохраняется ли возможность отказаться без унижения и скрытого наказания.

II. Человеческая ценность не равна полезности

В Humanist Manifesto III Американской гуманистической ассоциации, опубликованном в 2003 году, достоинство человека связано с человеческими потребностями, интересами и ответственностью. Это декларация определённого движения, а не результат эксперимента, доказавшего окончательное происхождение морали. Для нашего вопроса важно другое: внимание переносится на того, чья жизнь затронута решением. Человек не обязан сначала подтвердить правильность своей картины мира, чтобы его боль или ограничение стало заслуживать рассмотрения. Но из этой позиции ещё предстоит вывести конкретные способы действия. Красивое слово «достоинство» само по себе не отвечает, кому дать последний свободный час, как распределить помощь и что делать при несовместимых просьбах.

Есть соблазн объяснить ценность человека тем, сколько пользы он приносит. Так легче строить понятные рейтинги: результативный работник, надёжный друг, самостоятельный родственник. Однако условная ситуация ухода за человеком, который временно не может работать, обнаруживает слабость такого основания. Если внимание зависит исключительно от отдачи, именно в период потребности человек теряет право на него. Можно ценить вклад и одновременно не делать его единственным основанием отношения. Это различие не отменяет ограниченности времени и средств. Оно меняет форму обсуждения: распределение ресурса требует объяснения, но оно не должно превращаться в заключение о том, кто достоин существовать рядом с нами, а кто слишком мало окупает своё присутствие.

Практически такое различие проявляется в словах и устройстве ситуации. Вместо «вы нам ничего не даёте» можно назвать реальное ограничение: сейчас доступно столько-то времени, эту задачу мы не умеем выполнить, здесь нужна другая помощь. Ограничение остаётся неприятным, но перестаёт приклеиваться к личности получателя. Честный отказ совместим с уважением, если не требует признать себя бесполезным. С другой стороны, уважение не означает обязанность любого отдельного человека без конца предоставлять всё необходимое. Взаимная уязвимость требует учитывать и того, кто помогает. Гуманистическая задача здесь не в бесконечном самопожертвовании, а в поиске отношения, при котором нехватка ресурса не становится удобным оправданием унижения.

III. Факты помогают, но не выбирают за нас

Знание последствий необходимо, когда мы хотим поступить ответственно. Если обещанное средство не работает, ссылка на добрые намерения не делает его надёжным. Если человеку неприятен выбранный способ общения, наше описание его как полезного не устраняет этого свидетельства. Однако факты сами по себе не задают всю моральную рамку. Из того, что некоторый порядок эффективнее, ещё не следует, что любые его издержки допустимы. Нужно спросить, эффективность чего измеряется, чьи потери не вошли в расчёт и почему выбранная цель получила приоритет. Без этих вопросов рациональный язык может скрывать весьма нерациональную уверенность, что собственный критерий является единственно возможным и не нуждается в обсуждении.

У Дэвида Юма, в «Трактате о человеческой природе», III.I.1, переход от описания к долженствованию требует отдельного объяснения. Здесь полезно сохранить именно вопрос об основании перехода, не объявляя всю философию Юма общепринятой. Представим, что работающий способ организации встречи экономит время большинства, но делает участие одного человека невозможным. Факт экономии не решает, приемлем ли результат. Чтобы принять его, нужно дополнительно предпочесть экономию другой ценности либо найти изменение, которое сохранит обе. Участники могут разумно разойтись именно на этом шаге, хотя одинаково понимают расписание и не оспаривают арифметику. Их расхождение не обязательно означает недостаток образованности или скрытую неприязнь.

Отсюда возникает дисциплина двойного объяснения. Сначала мы называем доступные сведения: что происходит, насколько уверенно это известно, чего пока не проверяли. Затем называем ценностную предпосылку: что хотим защитить и какую потерю считаем особенно значимой. Если речь идёт о совместном решении, полезно дать другим возможность оспорить оба слоя. Возможно, неверно оценены последствия. Возможно, последствия оценены верно, но порядок приоритетов для другого человека неприемлем. Разговор становится сложнее, зато появляется адрес возражения. Вместо бесконечного обмена обвинениями в неразумности можно обсуждать конкретный факт, конкретную ценность или конкретную альтернативу, не представляя собственную позицию автоматическим выводом из устройства мира.

IV. Сочувствие нуждается в проверке

Отсутствие общего религиозного основания не означает, что заботу приходится заменить холодным расчётом. Можно переживать чужую трудность, замечать несправедливость и желать исправления, не разделяя представления о посмертном воздаянии. Но сильное переживание не даёт нам безошибочного доступа к потребностям другого. В условном примере друг решает устроить публичный сбор помощи, уверенный, что поступает великодушно. Получатель предпочёл бы приватность и возможность самому рассказать о случившемся. Помощь реальна, намерение может быть добрым, но способ действия присвоил чужой голос. Чтобы сохранить заботу, придётся не доказывать силу своего сострадания, а вернуть затронутому человеку участие в решении и признать, что наш первоначальный способ оказался спорным.

Есть и менее заметная проблема: нам может легче сочувствовать тому, чей рассказ похож на наш собственный. Сходство делает ситуацию понятной, но ещё не делает распределение внимания справедливым. Авторское упражнение здесь состоит в смене вопроса. Вместо «кто вызывает во мне самые сильные чувства?» можно спросить: «какую потребность я не замечаю, потому что она выражена непривычным образом?» Это не обещание устранить пристрастность и не диагностический тест. Иногда ответом будет признание нехватки знаний. Иногда потребуется спросить человека, не превращая его в образец целой группы. Иногда обнаружится, что мы требуем благодарности не за помощь, а за согласие с нашим представлением о хорошем получателе.

Сочувствие становится ответственнее, когда рядом с ним есть возможность исправления. Человек должен иметь способ сообщить, что помощь не подходит, а помогающий — возможность изменить действие без спектакля о собственной моральной неудаче. Мы можем принять замечание о конкретном способе, не делая из него вывод, что забота бессмысленна. И можем отказаться от неуместной помощи, не объявляя другого человека злым. Такой порядок требует небольших, но существенных уступок: меньше рассказывать за другого, заранее уточнять чувствительные детали и не делать согласие обязательной платой за поддержку. Здесь разум работает вместе с вниманием, проверяя форму поступка, а не пытаясь заменить живое отношение набором безличных показателей.

V. Совпадение нравственного жеста и различие оснований

В Евангелии от Матфея, 7:12, отношение к другому рассматривается через то, какого отношения человек хотел бы для себя. Это конкретный евангельский текст, а не свидетельство о полном единстве всех религий. Его можно сопоставить с гуманистическим вниманием к взаимности. При этом христианский контекст закона и пророков сохраняется; светская аргументация не становится скрытым изложением христианского учения, а религиозный текст не превращается в иллюстрацию якобы уже законченной современной теории. Мы видим ограниченное пересечение: обращение к позиции того, кого касается поступок. Даже этот жест требует осмысленного применения, потому что одинаковое обращение может иметь для разных людей неодинаковые последствия.

Представим условный спор о подарке. Один участник хотел бы получить публичную похвалу и потому считает её прекрасным способом выразить благодарность. Другой предпочёл бы тихое сообщение. Если первый просто переносит собственное желание, взаимность становится удобным названием для невнимания. Полезнее различать сходство человеческой уязвимости и различие конкретных предпочтений. Я могу предположить, что другому важно уважение, но не должен без уточнения решать, какая именно форма уважения ему подходит. Такой переход сохраняет нравственную интуицию, не превращая её в инструкцию копировать своё поведение. При неизвестности можно выбрать менее навязчивую форму или спросить заранее, оставив человеку возможность ответить без необходимости оправдывать свой характер.

Общее действие поэтому не требует общего последнего объяснения. Люди могут беречь чужую приватность по различным причинам: из религиозного уважения, светского представления о достоинстве, профессиональной ответственности или личного опыта. Различие нельзя объявить несущественным навсегда: оно способно влиять на другие решения. Но в конкретном вопросе можно честно записать согласие без вымышленного мировоззренческого союза. Это особенно важно, когда одна сторона стремится доказать, что другая втайне всегда принадлежала её традиции. Подобное присвоение разрушает смысл сотрудничества. Взрослая связь выдерживает более точную формулу: здесь мы действуем вместе, здесь объясняем поступок по-разному, а здесь пока не достигли согласия и не делаем вид, будто различие исчезло.

VI. Свобода убеждения и цена общего решения

Защищать свободу убеждения недостаточно, если человек сохраняет её только на словах, а участие в общей жизни требует скрытого согласия. Представим условную рабочую встречу, где открыто запрещено принуждать к мировоззрению, но все важные связи возникают на обязательных по факту духовных занятиях руководителя. Формальная добровольность не объясняет всей ситуации. Нужно посмотреть, как распределяются возможности, кто может отказаться и не окажется ли отказ отдельным испытанием лояльности. При этом любое несовпадение привычек ещё не является принуждением. Различие состоит в последствиях: приходится ли человеку заплатить за несогласие ценой доступа к тому, что должно обсуждаться по другим, заранее понятным критериям, например по качеству выполненной работы.

У Милля защита индивидуальной свободы соседствует с вопросом о вреде другим; его аргумент не даёт простого разрешения делать всё желаемое. Это важно и для светской площадки. Если моя практика затрагивает других, название её личным убеждением не закрывает обсуждение последствий. С другой стороны, само неудовольствие от чужого взгляда ещё не доказывает вред, который оправдывает контроль. Взрослый разговор различает неприятное расхождение и конкретное нарушение договорённости. Человеку может не нравиться моя позиция, но из этого не следует право отнять у меня голос. Мне может быть дорога своя позиция, но из этого не следует право заставить другого участвовать в её исполнении или публичном подтверждении.

Граница становится яснее, когда обсуждается отдельное действие. Можно попросить не распространять личные сведения без согласия, не навязывая запрет на чьи-то мысли о приватности. Можно согласовать правила общей встречи, не требуя одинакового отношения ко всем религиям. Иногда компромисс невозможен: существенный вопрос действительно касается несовместимых оснований. Тогда честнее назвать расхождение и его последствия, чем объявить одну сторону невидимой. Светская договорённость ценна именно ограниченностью. Она не должна тайно решать всю жизнь участника. Её задача — сделать конкретное совместное решение доступным для обсуждения, а ответственность за последствия не растворять в утверждении, что личная искренность автоматически оправдывает выбранный способ обращения с другим.

VII. Если человеческий опыт тоже несовершенен

Сильное возражение против светского гуманизма состоит не только в отсутствии последней религиозной гарантии. Человеческий опыт сам способен быть неполным, пристрастным и организованным вокруг интересов сильнейших. Если решения принимают только те, кому удобно участвовать, разговор о потребностях может исключить именно нуждающегося. Если доступными свидетельствами считаются лишь привычные способы говорить, чужая трудность останется незамеченной. Признать эти проблемы не означает отказаться от проверки. Это означает включить в неё вопрос о том, кто отсутствовал при формировании нашего вывода. Даже точное описание опыта определённой группы не даёт права незаметно назвать его опытом всех людей. Слово «человеческий» не должно делать различия между людьми невидимыми.

В условном примере жильцы обсуждают удобство нового порядка доступа в здание. Присутствующие быстро приходят к согласию, потому что все легко используют выбранное средство связи. Отсутствующий сосед сталкивается с ограничением, которое никто не учёл. Проблема не в том, что согласие большинства всегда ошибочно. Проблема в слишком быстром переходе от «это удобно нам» к «это удобно человеку вообще». Исправление может потребовать дополнительных сведений, другого способа участия или запасного решения. Причём новый участник не обязан сразу предложить идеальную альтернативу. Сообщение о неучтённой цене уже меняет картину. Оно возвращает в обсуждение то, что прежде было убрано не явным доводом, а самой организацией разговора.

Отсюда следует требование обратимости собственных выводов в подходящих пределах. Если решение можно проверить небольшим пробным периодом, заранее назначить разговор о последствиях и сохранить путь исправления, это полезнее уверенного обещания, что всё учтено. Но возможность пересмотра не оправдывает действие с заведомо тяжёлым или необратимым ущербом. Здесь нужны предварительная осторожность и подходящая компетенция. Предложенный в статье порядок — авторская дисциплина обсуждения, не универсальная технология управления и не доказательство эффективности. Его смысл в том, чтобы оставлять видимыми сведения, ограничения и затронутых людей. Ошибка тогда остаётся ошибкой, которую можно назвать и исправить, а не становится угрозой всей идентичности человека, считавшего себя рациональным и добрым.

VIII. Благополучие не обязано выглядеть одинаково

Общий язык человеческой ценности становится беднее, если незаметно включает один образ хорошей жизни. Для одного человека важна длительная работа, для другого — спокойное присутствие рядом с близкими, для третьего — исследование незнакомого. Здесь мы не устанавливаем психологические типы и не утверждаем, что любое желание одинаково обоснованно. Мы замечаем более узкую вещь: удобный для обсуждающего образец не может автоматически стать обязательным для другого. Можно проверять последствия конкретного выбора, не требуя одинаковой формы жизненного успеха. Иначе забота превращается в руководство по правильной биографии, где человеку оставлена лишь свобода выбрать способ исполнения уже назначенной цели. Само право обсуждать цель тогда исчезает, хотя разговор продолжает называться гуманистическим.

Возьмём условный разговор двух друзей. Один считает развитие обязательным непрерывным увеличением достижений. Другой после напряжённого периода хочет сохранить устойчивый, скромный порядок жизни. Первый видит остановку и предлагает помощь, которой никто не просил. Второй воспринимает предложение как отрицание значимости своего выбора. Выход не обязательно состоит в том, чтобы признать обоих безусловно правыми. Можно спросить, какие обязательства затронуты, что человек действительно хочет сохранить и не скрывает ли удобное объяснение важной проблемы. Но вопросы должны оставлять возможность ответа, который не подтверждает нашу исходную оценку. Иначе это не выяснение, а мягкая форма убеждения, заранее устроенная так, чтобы собеседник дошёл до нужного нам вывода.

Светское основание ценности поэтому не означает культ постоянной продуктивности, удовольствия или общественной пользы в одной заданной форме. Человек имеет дело и с утратой, и с неопределённостью, и с обязанностями, которые не приносят приятного состояния. Благополучие нельзя полностью считывать по внешней бодрости. При этом неприятность сама по себе также не доказывает глубины или правильности пути. Для конкретного решения полезнее узнать, что человек защищает, какие последствия видит и какой ценой действует. Если цена известна и добровольно принимается, наше несогласие может остаться несогласием. Оно не обязано превращаться в кампанию спасения другого от всякой жизни, которая кажется нам недостаточно успешной.

IX. Несогласие проверяет наше уважение

Провозгласить ценность всех людей проще, когда никто не мешает нашим планам. Испытание начинается с несогласия, особенно искреннего и аргументированного. В условной ситуации совместной благотворительной работы один участник не принимает предложенный образ будущего общества, но надёжно выполняет конкретную задачу. Другие могут решить, что такое расхождение делает его недостаточно хорошим союзником. Вопрос состоит в том, действительно ли его позиция нарушает договорённость или лишь неприятна группе. Если конкретная работа требует согласия с определённой целью, это условие нужно обозначить. Если она требует только оговорённого действия, добавлять скрытый экзамен на мировоззрение после начала участия несправедливо. Прозрачность условий бережёт и общую работу, и право человека выбирать, в чём участвовать.

Уважение не требует изображать все убеждения одинаково убедительными. Можно критиковать довод, показывать неучтённые последствия и отказываться поддерживать действие. Разница возникает между возражением против позиции и присвоением права унизить её носителя. Человек не обязан заслуживать базовое внимание полным совпадением с нашими идеалами. При этом серьёзное несогласие может иметь реальные последствия: иногда люди не могут продолжать совместный проект. Тогда задача состоит не в обязательном примирении, а в честном описании причины расхождения и границ ответственности. Решение выйти не становится доказательством моральной неполноценности другой стороны. Решение остаться не требует скрыть существенное различие, которое способно вновь повлиять на общий результат или доверие участников.

Есть полезный вопрос, который можно задать собственной позиции: какие обстоятельства заставили бы меня признать, что я сейчас обращаюсь с человеком хуже, чем предполагаю? Если подходящий ответ в принципе невозможен, слова о проверке опыта теряют содержание. Мы получаем систему, где любое возражение подтверждает ошибочность возражающего. Такой способ защиты доступен и религиозному, и светскому человеку; сам ярлык мировоззрения от него не спасает. Возможность ответить не делает разговор бесконечным. Иногда надо остановить спор, отказаться от сотрудничества или обратиться к установленной процедуре. Но даже остановка может сохранять точность: вот что я не принимаю, вот где проходит моя граница, вот чего я не знаю о ваших мотивах.

X. Основание, которое не освобождает от ответственности

Светский гуманизм способен предложить язык совместной ответственности, но не отменяет необходимость самому отвечать за поступок. Нельзя поручить эту работу слову «человечество», как нельзя заменить конкретного человека абстрактным благом. В начальной сцене соседям всё равно предстоит спросить получателя о нуждах, распределить доступные усилия и соблюсти обещанное. Их добрые объяснения не принесут вещи вовремя и не исправят нарушенную приватность. Однако ясное основание помогает заметить, когда помощь начинает служить другому результату: доказательству превосходства своей группы, публичной репутации помощника или требованию благодарности. Замечание об этой подмене неприятно, но возвращает разговор к тому, ради кого действие было предпринято и чья возможность выбора должна оставаться видимой.

Можно удержать несколько уровней, не пытаясь завершить весь философский спор. Есть мировоззренческое объяснение: почему вообще человеческая жизнь имеет значение. Есть ограниченный общий принцип: не требовать согласия с чужой верой или неверием как цены за уважение. Есть конкретная договорённость: что мы сделаем, для кого и каким способом. И есть проверка последствий: произошло ли обещанное, не появился ли неучтённый вред, что требуется изменить. Эти уровни связаны, но не совпадают. Согласие на действие не означает согласия на метафизику. Удачное действие не доказывает безошибочности всех убеждений. Неудача не отменяет автоматически исходной ценности, хотя может потребовать серьёзно пересмотреть применённый способ и прежнее понимание ситуации.

Поэтому результатом статьи не должен становиться новый обязательный ярлык. Читатель может не называть себя гуманистом и всё же увидеть полезное различение между убеждением и условием совместного решения. Может разделять гуманизм и обнаружить, что использовал его как оправдание собственной нетерпимости. Может остаться в религиозной традиции и найти точное пространство сотрудничества без отказа от неё. Главное движение здесь — от присвоения чужой жизни к объяснимому действию рядом с ней. Человек остаётся существом с собственной историей, желаниями и ограничениями, а не удобным подтверждением философского тезиса. Основание ценности становится сильнее, когда помогает это помнить в спорной ситуации, где наши намерения хороши, ресурсы ограничены и согласие далеко не полное.

Что это значит на практике

Если тема откликается, можно выбрать одну небольшую ситуацию совместной помощи или обсуждения, где у участников разные убеждения. Не нужно начинать с самого болезненного конфликта. Запишите отдельно четыре вещи: что человеку требуется; какие объяснения предлагают участники; какие условия они ставят; кто может свободно отказаться. Разделение не определяет правильное мировоззрение. Оно помогает заметить, не стало ли принятие чужого объяснения скрытой ценой участия. Если о потребности известно только со слов помощников, отметьте этот пробел и уточните её у самого человека, когда это возможно и уместно.

Затем попробуйте сформулировать конкретное предложение без требования согласиться с вашей картиной мира. Например: «Мы можем привезти необходимые вещи; скажите, какие подходят и когда удобно». Это авторский пример, а не универсальная формула. Он может потребовать изменений из-за ограниченных ресурсов, безопасности или прежних договорённостей. Не обещайте больше, чем способны выполнить. Отдельно назовите предел помощи и отдельно — необязательные разговоры или мероприятия. Человек должен понимать, что отказ от них не превращает его в менее достойного получателя согласованной помощи.

Наконец, спросите себя, какая обратная связь действительно могла бы изменить ваш способ действия. Если никакая, возможно, вы проверяете соответствие человека собственной идее, а не качество помощи. При этом обратная связь не обязывает соглашаться на любое требование и отказываться от своих границ. Можно признать чужой опыт, объяснить доступные возможности и оставить несогласие открытым. Это добровольное размышление не является психологическим тестом, доказанной техникой улучшения отношений или заменой необходимых правовых и профессиональных решений.

Ключевая цитата

> *«Над собой, над собственным телом и умом индивид суверенен».*

— Джон Стюарт Милль, «О свободе», глава I, с. 18 издания 1901 года. Перевод United Wisdom с английского.

Связи между традициями

Вопрос	Сопоставление	Предел сходства
Почему учитывать человека?	Гуманистическая декларация связывает этику с человеческими нуждами; Милль защищает область самостоятельности взрослого.	Ценностная программа и предел общественного принуждения решают разные задачи.
Как относиться к другому?	Мф. 7:12 и декларация допускают сопоставление по вниманию к отношениям.	Библейская формула имеет христианский контекст; декларация не требует сверхъестественного основания.
Достаточно ли знания фактов?	Юм требует объяснить переход к долженствованию; декларация открыто выражает ценности.	Анализ морального рассуждения не является подтверждением всех пунктов программы.
Где граница воздействия?	Милль различает собственную жизнь и вред другим; формула взаимности касается отношения к человеку.	Этическое обращение не заменяет правовой критерий вмешательства.
Что значит сочувствие?	Юм связывает моральное различение с чувством; Мф. 7:12 предлагает взаимную перспективу.	Это разные объяснения и жанры, а не единая теория эмоций.

Первоисточники

1. Джон Стюарт Милль. «О свободе» (1859). Издание Walter Scott, 1901. Главы I и III: свобода взрослого, вред другим и разные способы жизни.

2. Дэвид Юм. «Трактат о человеческой природе» (1739–1740), III.I.1–2: переход от факта к долженствованию и моральное чувство.

3. American Humanist Association. Humanist Manifesto III: Humanism and Its Aspirations (2003): ценностная декларация движения.

4. Евангелие от Матфея, 7:12, King James Version (1611): взаимность в определённом религиозном контексте.

Читались указанные фрагменты, а гуманистическая декларация — полностью. Русские цитаты переведены United Wisdom; английские сверены с указанными текстами. Все соседские, рабочие и благотворительные сцены придуманы для разбора.

Теги

светский гуманизм, гуманизм, ценности, достоинство, свобода, убеждения, религия, мировоззрение, сотрудничество, ответственность, этика, сочувствие, взаимность, уважение, границы, благополучие, человеческий опыт, факты, долженствование, моральное чувство, Джон Стюарт Милль, Дэвид Юм, гуманистическая декларация, Евангелие от Матфея, совместная помощь, добровольность, несогласие, принуждение, множественность, философия жизни

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.